

гитты, избранъ былъ мѣшанамъ города Девентера въ важное званіе бургомистра: но это ни мало не побудило его однакожъ оставить живопись, — и онъ, занимаясь общественными дѣлами, написалъ еще много картинъ, которыя и понынѣ составляютъ предметъ всеобщаго удивленія. Лучшими изъ нихъ почитаются: *Минстерскій конгрессъ*, картина, проданная недавно за 45,500 франковъ г-ну Демидову, и чудесно скопированная г-мъ Жаканомъ: *Воинъ и женщина*, *Музыкальный урокъ*, *Совѣтъ судей*, которыя все находятся въ Луврѣ и наконецъ *Большая Внутренность въ Дворѣ*, принадлежавшія прежде къ коллегіи музея, но проданныя съ публичнаго торга въ апрѣлѣ 1837.

Что жъ касается до Маргариты, жизнь ея была безцвѣтна и горестна. Она долго боролась противъ вліянія герцога Лермеса, сдѣлавшагося первымъ министромъ и совершенно овладѣвшаго слабымъ умомъ и малодушнымъ характеромъ Филиппа III и только находила въкоторое утѣшеніе въ ласкахъ малолѣтнаго сына своего. Однажды написала она къ Лидіи слѣдующія строки:

«Здѣсь королева не смѣетъ явно быть матерью. Вѣчно окруженная дворомъ, она можетъ цаловать сына своего только сквозь сѣтку этикета. Итакъ, Лидія, пожалей обо мнѣ: я — королева безъ власти, жена безъ мужа и мать безъ дѣтей!»

II.

С О Н Ъ .

(Изъ Байрона).

I.

Жизнь двойственна: у сна особый міръ,
Предѣлъ межъ двухъ явленій, названныхъ невѣрно,
Предѣлъ межъ тѣмъ, что ложно мы зовемъ
Существованіемъ и смертію: у сна —
Особый міръ, обширное владѣнье
Существенности странной; въ цѣпи грезъ
Есть жизнь, и слезы, и мученія, и радость;
Спавшая съ насъ ярмо дневныхъ трудовъ,
Они кладутъ печать на наши мысли въ брени
И дѣлятъ наше бытіе; въ нихъ есть
Частица насъ самихъ и жизни нашей;
Они, герольды вѣчности, порой
Предъ нами тѣнами минувшаго мелькаютъ,
Порой сивилами о будущемъ твердятъ;
Въ нихъ есть могущество; они десноты
Надъ удовольствіемъ и горестью людей:

* Это стихотвореніе, написанное лордомъ Байрономъ въ Диодати, въ юлѣ 1816 года, стоило ему, говорить Муръ, многихъ слезъ. Онъ изобразилъ въ немъ исторію несчастной любви своей къ миссъ Мери Чауортъ (Chaworth), въ послѣдствіи мистриссъ Местеръ (Musters).

И дѣлаютъ насъ тѣмъ, чѣмъ никогда
Мы не были, всѣмъ, чѣмъ они хотятъ;
Смущаютъ духъ исчезнувшимъ видѣньемъ,
Страшатъ мелькнувшей тѣнью — сны лишь тѣни!
Но все прошедшее не тѣнь ли! что жъ они?
Творенія духа? — Духъ имѣетъ силу
Рождать особы созданья, населять
Планеты существами свѣтлыми, которымъ
Подобныхъ не было на свѣтѣ, и вливать
Жизнь въ формы, пережить могущія всю плоть.
Я снова вызвать бы хотѣлъ одно видѣнье,
Которое, быть можетъ, промелькнуло
Мнѣ въ сонной грезѣ; мысль, во время сна,
Вѣщать способна годы, и вѣстить
Въ предѣлы часа цѣлой жизни время.

II.

Я видѣлъ два созданья въ цвѣтѣ дѣтъ;
Они стояли на холмѣ прекрасномъ,
Отлогомъ, зеленѣющемъ холмѣ; казалось,
Онъ былъ послѣднимъ мысомъ длинной цѣпи;
Но низъ его не омывало море;
Окрестъ сіялъ пѣнистый ландшафтъ
И волновались травы и колосья;
Средь ихъ разбросаны людей жилища
И клубомъ дымъ вился отъ сельскихъ кровель;
Увѣчанъ холмъ прекрасною короной
Деревъ растущихъ кругомъ, не игроу
Природы, но стараньемъ человѣка;
Два существа тѣ, юноша и дѣва,
Смотрѣли, стоя на холмѣ. Она
Картину природы любовалась,
Предестной какъ сама она; но онъ
Не на поля смотрѣлъ, а на нее;
И оба юны, и одна прекрасна,
И оба юны, но неравныхъ дѣтъ;
Какъ нѣжная луна на краѣ горизонта
Она цвѣла ужъ полною красой;
Онъ меньше дѣтъ считалъ, но сердце въ немъ
Опередило годы; для него
Былъ на землѣ одинъ лишь ликъ любимый
И тотъ блисталъ теперь предъ нимъ; до-тѣхъ-поръ
Онъ любовался имъ, что онъ всегда
Носился предъ его глазами; онъ дышалъ
Одною ею, жилъ ея лишь жизнью;
Въ ней голосъ былъ его, онъ съ нею
Не говорилъ, но, при ея словахъ,
Какимъ-то трепетомъ былъ весь проникнутъ;
Въ ней было зрѣніе его; его глаза,
Слѣдя за взорами ея, смотрѣли
На все прекрасными ея очами,
Которыми блистали для него
Всѣ прочіе предметы; пересталъ
Онъ жить въ самомъ себѣ; она была
Его существованьемъ, океаномъ
Для брега думъ его и мыслей; всѣ онѣ

Оканчивались ею; въ ней одно лишь слово,
 Одно ея прикосновеніе всю кровь
 Въ немъ волновало; на лицѣ его
 Смѣнялись краски бурной страсти, сердце жъ
 Не знало тайны своего мученья;
 Она не раздѣляла чувствъ его
 И не о немъ вздыхала: для нея
 Онъ братомъ былъ, не больше, но другого
 Она отъ дѣтства не имѣла брата
 И дружески такъ звать его привыкла;
 Сама она была единственнымъ отрокомъ
 Давно судьбой прославленнаго рода;
 Ему пріятно было имя брата
 И вмѣстѣ непріятно: отъ-чего?
 Ему дало отвѣтъ ужасный время,
 Когда она другого подарила
 Своей любовью; даже и теперь
 Другой былъ милъ ей и она смотрѣла
 Съ холма, не видно ли вдали коня
 Ея любезнаго, который, соглашая
 Свой бѣгъ съ ея нетерпѣливымъ сердцемъ,
 Летѣлъ бы къ ней стрѣлою...

III.

Развился новою картиною мой сонъ.
 Я видѣлъ древній замокъ; предъ стѣнами
 Его бѣжалъ конь осѣдланый готовъ:
 Въ обширной заѣзъ юноша стоялъ,
 Котораго я прежде съ дѣвой видѣлъ;
 Онъ былъ одинъ, и блѣденъ, и прошелъ
 По заѣзъ мѣрными шагами: вѣдугъ
 Сѣлъ, взялъ перо и написалъ слова,
 Которыхъ разобрать не могъ я, и потомъ,
 Склонивъ чело, закрывъ глаза руками,
 Затрепеталъ какъ бы въ конвульсін, всталъ снова,
 Зубами и дрожащими руками разорвалъ
 То, что писалъ, но ни одной слезы
 Не выронилъ, и укротить старался
 Свой духъ и на лицѣ изобразить
 Притворное спокойствіе: утихъ онъ.
 Вошла она, предметъ его любви,
 Съ улыбкой сѣлою; хотя и знала,
 Что имъ была любима; — это знанье
 Всегда приходитъ скоро — она знала,
 Что тѣмъ ея ему мрачила сердце,
 И видѣла его страданья, но не всѣ.
 Онъ подошелъ, холодною рукою
 Взялъ тихо за руку ея; на мигъ
 Лицо его представило скрижалъ
 Невыразимыхъ мыслей; но онъ
 Исчезли быстро какъ и появились;
 Онъ руку опустилъ, которую держалъ,
 И удалился медленно, не такъ
 Какъ бы прощаясь съ ней: они разстались
 Съ улыбкою взаимной; онъ прошелъ
 Въ тяжелыя ворота замка, на коня

Вскочилъ, пустился въ путь, и никогда
 Не преступалъ ужъ древняго порога.

IV.

Развился новою картиною мой сонъ.
 Сталъ мужемъ юноша; въ пустыняхъ знойныхъ
 Его жилище было: духъ его
 Пилъ ихъ палящія лучи; вокругъ
 Являлись всюду дикія картины;
 Онъ былъ не тотъ, что прежде; сталъ скитальцемъ
 На морѣ и на сушѣ; вкругъ меня
 Толпились образы какъ волны, но онъ былъ
 Мнѣ виднѣнъ между ними и наконецъ,
 Отъ зноя жаркаго полудня отдыхая,
 Лежалъ онъ средь обрушенныхъ колоннъ; въ тѣнъ
 Развалинъ, пережившихъ имена,
 Своихъ строителей; вблизи его,
 Паслись верблюды, нѣсколько коней
 Стояли у ручья, и человѣкъ
 Въ восточномъ платьѣ, стражемъ былъ, пока
 Толпа одноплемennыхъ съ нимъ дремала;
 Надъ ними неба голубой шатеръ
 Былъ такъ безоблаченъ, прозраченъ, чистъ, прекрасенъ,
 Что Богъ одинъ былъ виднѣнъ въ небесахъ.

V.

Развился новою картиною мой сонъ,
 Она — предметъ любви его была,
 Обвѣнчана съ другимъ, который столько
 Не могъ любить ея, какъ онъ, и въ замкѣ,
 Своимъ отцовскомъ замкѣ, удаленномъ
 На много миль отъ мѣста, гдѣ жилъ онъ,
 Она цѣла среди своихъ дѣтей,
 Сыновъ и дочерей красы; за чѣмъ же
 Тѣмъ грусти на лицѣ ея, всегдашній
 Печальный знакъ душевнаго боренья.
 И изступленный взоръ? Какъ бы тягчаты
 Ея глаза непролитыя слезы?
 О чемъ грустить ей? съ нею все что мило;
 Не можеть чистыхъ мыслей онъ смущать
 Преступною надеждой, злымъ желаньемъ
 Или страданьемъ, неискусно скрытымъ.
 О чемъ грустить ей? не любимъ онъ ею
 И повода не видѣтъ отъ нея
 Считать себя любимымъ: онъ не могъ
 Быть частью призраковъ минувшаго, терзавшихъ
 Воспоминаньями ея больную душу.

VI.

Развился новою картиною мой сонъ:
 Мой странникъ возвратился: онъ стоялъ
 Предъ алтаремъ съ престестною невѣстой;
 Лицо ея прекрасно, но не то;
 Звѣздою юныхъ дней его лицо сіяло;
 И между-тѣмъ, какъ онъ стоялъ у алтаря,

Чело его приняло тотъ же видъ,
И та же дрожь по членамъ пробѣжала,
Какъ прежде въ древней заи; и потомъ
Теперь, какъ и въ то время, на мгновенное
Лицо его представило скрижалъ
Невыразимыхъ мыслей, но онъ
Исчезли быстро, какъ и появились;
И онъ стоялъ спокойно, произнесъ
Священные обѣты, но не слышалъ
Словъ собственныхъ своихъ; окрестъ его
Все закружилось, онъ не могъ ужъ видѣть
Того, что было, что долженствовало сбыться,
Но древнй замокъ, памятная зала,
И рядъ знакомыхъ комнатъ, и то мѣсто,
Тотъ день, тотъ часъ, и солнца блескъ и тѣнь —
Все, что ему тотчасъ напоминало,
И та, которая была его судьбою,
Все возвратилось снова и тѣснилось
Межъ нимъ и свѣтомъ; отъ-чего же это
Теперь, предъ алтаремъ, въ такое время? —

VII.

Развился новою картиною мой сонъ:
Предметъ любви его — какъ измѣнила
Ее болѣзнь души! разсудокъ въ ней
Изъ своего жилища удалился,
Глаза блистали чуждымъ свѣтомъ; взоръ ихъ
Сталъ какъ бы неземнымъ; она была
Царицей фантастическаго царства;
Въ ней мысли сдѣлались смѣшенемъ страннымъ
Предметовъ разногласныхъ, и знакомы
Ея глазамъ такія формы стали,
Которыхъ взоръ другихъ не могъ примѣтить.
И это свѣтъ зоветъ безумьемъ; но мудрецъ
Не больше ль помѣшательствомъ страдаетъ?
Взглядъ меланхолическй — ужасный даръ;
Не истинны ли онъ телескомъ, который
Обычно разстоянья удаляетъ
И открываетъ жизни наготу
Во всей ея дѣйствительности хладной? —

VIII.

Развился новою картиною мой сонъ. —
Скитаецъ сталъ, какъ прежде, одинокимъ;
Исчезли окружавшие его
Или вели войну съ нимъ; онъ сталъ цѣлю
Для стрѣлъ погибели и скорби, осажденный
Враждой и злобою; страданье было
Примѣшано во всемъ, чѣмъ жилъ онъ; наконецъ,
Подобно древнему понтийскому монарху,
Онъ сталъ питаться ядами; исчезъ
Ихъ вредъ; они ему служили пищей;
Что было смертію для многихъ, тѣмъ онъ жилъ;
И сдѣлался онъ другомъ горь; съ звѣздами
И духомъ пламеннымъ вселенной полюбилъ

Вести бесѣду, и они учили
Его волшебству чудныхъ тайнъ своихъ;
Ему была отверзта книга ночи
И голоса изъ глубины пучинъ
Вѣщаи чудеса и тайны. — Такъ да будетъ.

IX.

Мой сонъ прошелъ и новыхъ измѣненій
Въ немъ не было; не странно ль, что судьба
Тѣхъ духъ супруговъ развита въ немъ такъ сходно
Съ дѣйствительностью ихъ; безумье было
Концомъ одной, страданіе — обоихъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

1) Путешествіе чрезъ Южную Россію, Крымъ
и Одессу въ Константинополь, Малую Азію, Сѣверную
Африку, Мальту, Сицилію, Италію, Южную
Францію и Парижъ, въ 1836 и 1837 годахъ. Н. С.
Всеволожскаго. Москва. Въ тип. Августа Семена.
1839. 2 тома.

(Окончаніе.)

Вотъ Бенгази: укроемся въ пристани; но осторожнѣе:
береговые жители Африки, говорить капитанъ (а онъ
ихъ знаетъ хорошо), невообразимо какіе воры. Если
они замѣтятъ, что на кораблѣ оплошно, то стумють
подлизать неслышимо, заберутся въ него, и потомъ, ползкомъ,
на брюхѣ, въ темную ночь, оберутъ все, что имъ
попадется — компасъ, инструменты, обрѣжутъ канаты,
веревки и паруса. Были примѣры даже такой дерзости,
что спускались въ каюты и тамъ брали деньги и пожитки! — Поѣдемте жъ мысленно за нашимъ путешественникомъ въ степь, къ Бедуинамъ: здѣсь у него столько
любопытныхъ подробностей о пребываніи его у шейха,
что намъ пришлось бы выписать всю главу эту, еслибъ
мы захотѣли рассказывать нашимъ читателямъ, какъ
проводилъ тамъ время г-нъ Всеволожскій, о чемъ и какъ
разговаривалъ съ шейхомъ, какъ отправился обратно и
на дорогѣ былъ застигнутъ самумомъ, и пр. Тутъ все
ново для Русскихъ.

Европейскія страны намъ хорошо извѣстны, и потому,
хоть въ книгѣ нашего путешественника очень-много любопытнаго, мы послушаемъ только разговоръ его съ англійскимъ адмираломъ, о томъ, какъ нужна для Англіи
русская торговля; потомъ, съ вершины Этны, полюбуемся
на восхожденіе солнца, когда лучи его освѣтятъ выходящій изъ жерла дымъ, и тѣнь великана разстелется по
острову, точно другая гора темносиняго цвѣта; но солнце
гонитъ тѣнь отовсюду, тѣнь исчезнуть, и весь островъ
явится передъ нами, будто развернутая географическая
карта; обозримъ Неаполъ съ его восхитительными окрестностями,
развалины Помпей, этого заманитаго, живаго
остатка древности, погребеннаго подъ губительною лавою,

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНИЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ НА 1859 ГОДЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Подписная цѣна: 30 руб.
асс.; за полугодовое изда-
ніе 20 р. асс.; за пересыл-
ку или доставку въ домъ
прилагаются 5 руб. асс.
Выходятъ еженедѣльно по
субботамъ.

Подписка принимается въ
Конторѣ Редакціи «Отече-
ственныхъ Записокъ», на
Невскомъ - Проспектѣ, у
Полицейскаго - Моста, въ
домѣ Голландской Церкви.